

рян, которых он мог склонить на переселение в Грецию из Бургундии; вообще в рядах дружины де ла Роша не насчитывается сколько-нибудь известных баронов. Впрочем, весьма вероятно, что уже и тогда де ла Роша сопровождали Фалькенберги из Сент-Омера, по крайней мере они вскоре заявляют о своем существовании в Фивах. Несомненно, первый же де ла Рош распорядился занесением на бумагу всех фискальных и частных владений в своем государстве, подобно тому, как это совершили английские норманны в *Doomsdaybook*, а равно завоеватели Ахайи¹ К сожалению, афинские ленные матрикулы не сохранились.

Столь многообразная феодальная система, какая раскинулась по франкскому Пелопоннесу, конечно, не могла привиться во владениях мегаскира. Мореея была ведь страна обширная и по самой своей природе оказывалась особенно пригодною для водворения там ленного строя. Там и завелись могущественные баронства с зависимыми от них рыцарскими ленами. И поныне еще развалины замков (*Palaokastrá*, как их называют греки) в Калаврите, Акове, Каритене, Гераки, Велигости, Пассаве, Каландрице и пр. являют собой след богатой истории франкского дворянства в Морее. Напротив того, в Аттике не насчитывается вовсе сколько-нибудь примечательных развалин этого рода, за исключением франкских сторожевых башен по морскому побережью; в Беотии развалины замков попадаются чаще, но по сравнению с Мореей количество их ничтожно. В Аттике и Беотии не возникало вовсе таких баронств, как Матагрифон (Акова) или Каритена, в составе которых заключалось в первом 24, а во втором — 22 рыцарских лена. Предоставление земель наследственным владельцам или баронам, которые, в свою очередь, от себя раздавали рыцарские и сержантские лены, разумеется, должно было происходить и в Афинском государстве, потому что вся совокупность политического строя, отправление правосудия и самое несение воинской службы в любом франкском государстве — и мелком, и крупном — опиралось

¹ В Греческой Морейской хронике неоднократно говорится об этом ленном реестре.